

Мора Ханрахан
Легенда «Карлука»

Арктическая жизнь капитана
Роберта Абрама Бартлетта

Со вступительной статьей
Дмитрия Шпаро

Paulsen
2021

УДК 910.4
ББК 26.8д(0)
Х19

M. Hanrahan
Unchained Man. The Arctic Life and Times
of Captain Robert Abram Bartlett

Перевод с англ. *Заур Мамедьяров*

Ханрахан М.
Х19 Легенда «Карлука». – Москва: Паулсен, 2021. – 304 с., ил.

ISBN 978-5-98797-299-1

Роберт Абрам Бартлетт – легендарный полярный капитан. Его имя неразрывно связано и с многолетними попытками Роберта Пири покорить Северный полюс, и с экстраординарным спасением экипажа с затертого во льдах судна «Карлук». И если профессиональный путь Бартлетта как-то описан, то полная напряженного драматизма внутренняя жизнь – мечты, амбиции, конфликты, слава, победа над собой и любовь к Северу – впервые публикуется на русском языке в таком полном биографическом труде. Автор – канадская писательница Мора Ханрахан работала в архивах трех стран для того, чтобы рассказать читателю правду, стоящую за мифом, называемым «Роберт Бартлетт».

Книга будет интересна всем, кто увлечен Арктикой, историей освоения Севера и биографиями харизматичных героев этой истории.

УДК 910.4
ББК 26.8д(0)

ISBN 978-5-98797-299-1

© Maura Hanrahan, 2018
© ООО «Паулсен», 2021

Предисловие

Книга Моря Ханрахан современна и интересна; это историческая повесть о великом ледовом капитане Роберте Бартлетте, которого в России знают мало. Его собственная книга *The Log of Bartlett* на русский язык не переводилась; книги о Бартлетте канадского писателя Гарольда Хорворда *Bartlett: The Great Canadian Explorer*, переизданной в Канаде несколько раз, на русском тоже нет. Так что – браво, наши полярные знания пополнятся, причем, хотя Ханрахан пишет художественную биографию, ее книга документальна. Автор словно боится, что ее заподозрят в выдумке, и дает многочисленные ссылки, без малого тысячу, но, успокою читателя, сами ссылки незаметны и чтению не мешают.

Автор, по ее словам, хочет рассказать «о человеке своей эпохи». Эпоха же и ее герои-исследователи, а Бартлетт называет себя мореходом-исследователем, «отгеснили инуитов на периферию всех своих историй». Мора Ханрахан намерена «вернуть инуитов на первый план». Это справедливо, славно и в духе времени. Может быть, несколько навязчиво через всю книгу проходит слово «расизм», однако активная, наступательная позиция Моря Ханрахан заслуживает уважения и поддержки. Читая Ханрахан, возможно, мы откажемся от некоторых стереотипов или по крайней мере поразмыслим над ними.

«...В основе исследовательской деятельности – хоть в Арктике, хоть в Африке – лежал расизм, причем научные изыскания поддерживали и усугубляли его. Экспедиции проводились в интересах империй и государств Европы, а позднее также Северной Америки».

Так необычно широко толкует понятие «расизм» автор книги, но от случая к случаю это неприятное слово конкретизируется. Нам, жителям России, все это интересно, роль коренных народов Севера в общем развитии цивилизации – наша тема.

Но все-таки основная цель Моря Ханрахан при написании этой книги, как сообщает она сама, «заключается в том, чтобы как можно лучше понять человека, одержимого Севером».

С моей точки зрения, цель прекрасна, и, реализуя ее, Мора Ханрахан далеко не идеализирует Бартлетта, что для меня, автора предисловия, крайне важно, потому что я хочу от себя сделать некоторые дополнения к портрету героя и, право, не желал бы, чтобы они прозвучали диссонансом к основному тексту.

Итак, Боб Бартлетт – полярный моряк-исследователь первой половины прошлого века. Талантливый, профессиональный, сильный и смелый, в историю он вошел, конечно, не тем, что якобы достиг широты 87°47' в экспедиции Пири к Северному полюсу в 1908–1909 годах, а тем, что прославился искусством плавания среди арктических льдов и, главное, – спасением людей с затонувшего в Чукотском море судна «Карлук».

Книга Бартлетта «Последнее плавание “Карлука”», изданная в СССР в 1936 году, многие годы была для меня словно своеобразным учебником того, как ходить пешком по дрейфующим льдам. В ней, в частности, описывается изумительный рейд Бартлетта с инуитом Катактовиком от острова Врангеля до материка по подвижным льдам пролива Лонга, а затем по северным берегам Чукотки до Берингова пролива. Бартлетт спешил за помощью, чтобы спасти людей с погибшего в январе 1914 года «Карлука», ждавших его на острове Врангеля. Капитан выдюжил самым чудесным образом, и его пересечение пролива Лонга – выдающееся каноническое путешествие. Бартлетт преподнес нам всем потрясающий урок: коль речь идет о спасении людей, то, какой бы безысходной ни казалась ситуация, ты должен сделать все, что можешь, чтобы вырвать несчастных из рук смерти. И может случиться так, что совершенно неожиданно твои собственные силы будут приумножены, ибо и другие, тоже не щадя себя, придут тебе на помощь.

В том же районе Земли – в Чукотском море – ситуация точно повторилась через 21 год, когда льды раздавили советский пароход «Челюскин» и более сотни людей оказались на дрейфующем льду. «Эпопея челюскинцев» – это наша национальная поэма спасения. Именно тогда в СССР появилась высшая награда – Звезда Героя Советского Союза, и первые семь звезд получили летчики, спасшие челюскинцев, за свой беспримерный подвиг. Подвиг Бартлетта сродни их полетам.

В 1972 году с четырьмя друзьями я пересек на лыжах пролив Лонга – по пути Бартлетта, правда, в обратном направлении: от берега Чукотки до острова Врангеля. У нас было превосходное снаряжение, радиосвязь, ледовая разведка, надувные лодки, и мы считали этот поход генеральной репетицией перед походом на лыжах СССР – Северный полюс, который состоялся через 7 лет.

Третьим пересечением пролива по льду стал путь в мае 2007 года от острова к материка Матвея Шпаро и Бориса Смолина, и вопрос стоял так: если получится преодолеть кошмар пролива Лонга, можно решиться в том же году 22 декабря отправиться в ледовую дорогу в темноте полярной ночи от Северной Земли к Северному полюсу. Две генеральные репетиции и миссия Бартлетта – вот часть истории пролива Лонга, и, зная досконально все о льдах пролива, я просто преклоняюсь перед Бартлеттом и Катактовиком.

Теперь об экспедиции Роберта Пири в 1908–1909 годах. Бартлетт незаменим: он капитан судна «Рузвельт», от борта которого, по сути, начинается маршрут к Северному полюсу, и он один из самых сильных в ледовой группе Пири. Кроме Бартлетта, в команде чернокожий слуга Пири Мэттью Хенсон и молодой профессор Росс Марвин, тоже опытнейшие ходоки, и еще трое белых, все шестеро – руководители вспомогательных отрядов, в которые входят инуиты, отобранные, а лучше сказать, подготовленные Пири.

Вспомогательные отряды, доставляющие на собачьих упряжках на Север грузы, один за другим возвращаются на землю.

Марвин был предпоследним, кто ушел к земле 22 марта, после того как провел астрономические наблюдения и определил широту места 85°48′ с. ш. Он вручил Пири записку с навигационными вычислениями и своими соображениями об оставшемся до полюса пути. С Марвином на землю возвращались два инуита, понятное дело, выбранные Пири, один из них – любимец Пири, Кудлукту. Марвин погиб. Инуиты сообщили, что профессор утонул. Пири, вернувшись на корабль, не проводя расследования, поверил спутникам Марвина и щедро наградил их. В 1926 году выяснилось, что профессор был застрелен Кудлукту. Немаловажная подробность – Марвин был доверенным секретарем Пири.

Бартлетт тоже измерил высоту солнца и определил широту того места, откуда он повернул к югу, и тоже вручил Пири записку с навигационными вычислениями.

Дальше на север Пири шел с Хенсоном и четырьмя инуитами. Спутники Пири были умны, опытны, сноровисты, чудесны, но... неграмотны. Свидетелей с образованием у Пири не было. Доказательства достижения полюса – только слова Пири и записки Марвина и Бартлетта, говорящие о том, что он с определенной скоростью продвигался к цели. Победа Пири по ряду причин подозрительна, а если вдаваться в детали, то с очевидностью выдумана.

Картина будет неполной, если не сказать, что за год до Пири, 21 апреля 1908 года, полюса достиг другой американец, доктор Фредерик Кук, с двумя молодыми инуитами.

Пири, узнав об этом, моментально обвинил Кука во лжи. Арктический клуб Пири, состоящий из богатых и влиятельных людей, горой встал за Пири.

Любой исследователь, любой писатель, взявшийся за рассказ о героях, причастных к эпопее Кук – Пири, будет на стороне либо одного корифея, либо другого. Мора Ханрахан подчеркивает свою нейтральную позицию, но из текста книги следует другое: она – сторонник версии, что доктор Кук не был на полюсе, что он – мистификатор. Автор восторженной книги о Бартлетте Гарольд Хорвуд, наоборот, активный сторонник Кука. Вот несколько его предложений:

«...кампания политического уничтожения [Кука], организованная Пири и его сторонниками, абсолютно беспрецедентна в анналах исследований и практически уникальна до времен сенатора Маккарти и Ричарда Никсона...

Нужно отметить, к чести Бартлетта, что он принимал очень малое участие в этой клеветнической кампании...

...чудовищная несправедливость по отношению к Куку, сотворенная Пири, Макмилланом, Борупом* и другими сторонниками Пири в Соединённых Штатах, никогда не была исправлена**.

Травля Кука – важнейшая часть кипучей деятельности Пири начиная с сентября 1909 года. Но всемирную известность он получил все-таки не как вдохновитель и организатор антикуковского террора, а как открыватель Северного полюса. Последнее, повторюсь, по моему глубокому убеждению, обман, и Бартлетт – соавтор лжи или, скажем мягче, соучастник. Суровый и безыскусный капитан – неперемный свидетель и гарант честной победы Пири. Он – главная опора босса. Очевидно, между этими двумя людьми существовал формальный, а скорее – неформальный союз. Бартлетт был как воздух для Пири. Об этом упомянул, круша командера Пири, конгрессмен Роберт Брюс Мейкон: «Он по-прежнему во многих отношениях необходим Пири... Его дружба крайне важна для Пири, и ее следует во что бы то ни стало сохранить. В отношении выдающихся заслуг Бартлетта всегда должны выражаться похвала и сердечная признательность, вплоть до лести, если она окажется уместной. Бартлетт будет защитным бастионом, если когда-нибудь наступят напряженные времена полемики и споров»****.

Обратное тоже верно – Бартлетту выгодно состоять при Пири. 15 декабря 1909 года, за неделю до того как Копенгагенский университет объявил решение по поводу материалов, поступивших от доктора Кука****, Пири был награжден большой золотой медалью Национального географического общества. Вручение происходило на ежегодном торжественном обеде, и во всех многочисленных здравницах командер именовался первооткрывателем Северного полюса. Но получил он пока только коробку – без награды, ибо было неясно, что же следует написать на металле. Зависело это от решения, которое ждали из Дании.

Британский посол в США Джеймс Брайс не побоялся опередить события. Он вручил Бартлетту серебряную медаль со словами: «Храбрые люди всегда великодушны, и командер Пири с присущим ему благородством признал, сколь

* Командиры вспомогательных отрядов в экспедиции Пири.

** Horwood H., Bartlett: The Great Canadian Explorer, 1977, p. 97–102.

*** Речь в Палате представителей США 16 февраля 1911 года.

**** В университете исследовался отчет Кука о походе на полюс. Ханрахан пишет, что датские ученые отвергли притязания Кука, но это неверно: вердикт был такой – в представленном отчете достижение полюса не доказано.

многим он вам обязан. Ваше имя будет стоять рядом с его именем в связи с открытием Северного полюса...

И поскольку мы поздравляем вас, капитан Бартлетт, я отважусь от имени моей страны поздравить вас, командер Пири, и вас, жители Соединённых Штатов, с этим блестящим достижением. Достижением, которому не будет равных до конца мира».

Бартлетт гордился: «Должен сказать, что стоит любой цены находиться в такой компании, знать, что вас поддерживает такая организация, как Национальное географическое общество, видеть перед собой таких людей, как Брайс, Мур, Гросвенор и другие, и слышать слова похвалы»^{*}.

Заглянем еще в одну книгу, малоизвестную, англичанина Генри Левина «Грандиозный обман о Северном полюсе», в ее третью главу «Молчание капитана Боба Бартлетта». Левин цитирует капитана и свои открытые письма ему. Бартлетт на письма Левина не отвечает, чем и объясняется заголовок.

Итак, Бартлетт:

«Пири пришел к судну [«Рузвельт»] 27 апреля [1909 года]. Я как раз был на льубе, когда эскимос закричал, что он идет. Я выбежал на лед, чтобы его встретить. Он выглядел измученным, но не ослабевшим. Пири пожал мою протянутую руку, тогда как я воскликнул: “Поздравляю вас, сэр, с открытием Северного полюса!”

“А как ты догадался?” – посмеиваясь над моим волнением, спросил он в ответ»^{**}.

Напомним читателю, что от точки с широтой 87°47' капитан Бартлетт с приличной скоростью зашагал к земле, Пири продолжил движение на север. Прежде чем стать на след Бартлетта, ведущий к югу, ему предстояло пройти или проехать в нартах 133 мили до полюса и столько же – обратно. Капитан прекрасно знал об этих 266 милях, хотя, к примеру, о 36 милях, накрученных, по словам начальника, на полюсе, не подозревал. Но и без этой добавки гандикап получился необыкновенный. Пири выбрал его почти полностью, отстав от капитана всего на 3 дня.

Письмо Левина:

«...удивились ли Вы, когда он [Пири] появился на льду у корабля так быстро после Вашего собственного возвращения? Вы сказали: “Не повезло, сэр; сожалею, что Вам не удалось добраться туда”...?»

Нет, ничего подобного! Не успел Пири открыть рот, как Вы произнесли слова, выделенные Вами курсивом: “Поздравляю вас, сэр, с открытием Северного полюса!”

...как лосось, поднявшийся за мушкой, Пири с жадностью ухватил приманку...

* Bartlett R., The Log of Bartlett, 2006, p. 192, 187.

** Bartlett R., 165–166.

Почему Вы поздравили Пири с успехом... который был невозможен, что Вам самому должно было быть вполне очевидно, если только в тот момент Вы не страдали какой-либо формой психического расстройства?»

Левин довольно зло подтрунивает над Бартлеттом, спрашивая его, не он ли своим поздравлением спровоцировал Пири на ложь и таким образом стал косвенным виновником «величайшего географического обмана в истории»^{*}.

Историческая фраза капитана «Рузвельта», выделенная курсивом, скорее всего, никогда не была произнесена и появилась в книге Бартлетта как подпорка версии Пири, а лучше-то сказать, версии Пири – Бартлетта... Аналогично, уверения Пири, будто он поделился с Бартлеттом (и только с Бартлеттом!) новостью о достижении полюса, вероятно, блеф. Конгрессмен Мейкон в своей незабываемой речи высказался по этому поводу: «Он [Пири] сказал, что не помнит, чтобы по возвращении говорил о своем открытии кому-то кроме Бартлетта; но я не знаю никого, кто бы слышал, что он рассказал это Бартлетту до того, как сделал заявление перед комитетом [Конгресса]».

Левин вновь цитирует капитана: «С той импульсивностью, которая была как моим проклятием, так и достоинством...»^{**}, а затем приводит свое новое письмо Бобу Бартлетту: «...существует предположение, что о покорении [полюса] не упоминалось на борту вашего судна до того момента, когда во время обратного плавания было получено сообщение об успехе другого исследователя, доктора [Ф. Кука], и что историю своего мнимого достижения Пири состряпал в качестве ответной меры. Давайте рассмотрим доказательства, которые указывают на такой вывод...

Представляется еще в 10 раз вероятнее, что уж своим товарищам по кораблю Вы открыли тайну. Сразу после поздравления Пири Вы должны были бы ворваться в кают-компанию и, полностью утратив самообладание, воскликнуть: «Коммандер покорил полюс! Поздравим его троекратным «ура!»

Ваш восторг был бы подхвачен командой, последовал бы период огромного интереса и возбуждения, а вечером был бы устроен праздничный ужин с речами и поздравлениями. Вот что, мне кажется, произошло бы несомненно в результате Вашего поздравления Пири.

То, что ничего подобного не случилось, заставляет предположить, что достижение полюса никогда не упоминалось и не обсуждалось Вами с Пири»^{*}.

Конечно, на «Рузвельте» над всеми довлела смерть Марвина, и друзьям погибшего профессора было не до веселья. И все-таки хочется согласиться с Левином – импульсивность капитана, на которую он жалуется и которой гордится,

* Lewin H., *The Great North Pole Fraud*, 1935, p. 107–108.

** Bartlett R., p. 215.

должна была бы сработать, и новость о покорении полюса не могла не разнестись по кораблю. Либо Пири ничего не сказал о полюсе, либо сказал и велел Бартлетту сохранить тайну. В последнем случае мог бы состояться разговор:

– Капитан, никому ни звука. Знают лишь два человека – ты и я.

Бартлетт мог удивиться:

– Хенсон ведь знает.

Пири мог ответить:

– Я не говорил ему.

И добавить:

– Прежде чем всем объявить о положительном результате, мы с тобой должны все проверить.

Этот диалог означал бы, что Пири приглашает Бартлетта вместе составить документы, подтверждающие победу, в которой он не уверен.

Левин приводит то место стенограммы слушаний в специальном комитете Конгресса США «дела Пири»**, где речь идет о трех карандашах, которыми Бартлетт написал свою историческую записку.

«М-р Робертс»: Когда были вставлены эти цифры (показывает)?

Кэп. Пири: Сразу после наблюдений. Единственное, что удерживало Бартлетта от возвращения, это проведение наблюдений, и как только он провел эти наблюдения и сделал запись, он отправился назад.

М-р Робертс: Почему он использовал два карандаша для этой записи?

Кэп. Пири: Этого я не могу сказать.

М-р Робертс: Я должен заключить, что это явно другой карандаш (показывает); похоже на химический карандаш.

Кэп. Пири: Да, сэр.

М-р Робертс: А это (показывает) похоже на обычный графитовый карандаш.

Кэп. Пири: Бартлетт лучше меня может ответить на этот вопрос...

М-р Робертс: Не знаете ли вы: Бартлетт поставил свою подпись (показывает) после того, как провел наблюдения, после того, как записал цифры?

Кэп. Пири: Да, сэр; я думаю, да.

М-р Робертс: Это, похоже, совершенно другой карандаш.

Кэп. Пири: Да, сэр. Это было подписано в тот момент, и, конечно, после того, как были проведены наблюдения.

М-р Робертс: Кажется довольно странным, что у него был такой набор карандашей – три карандаша. Эти записи были сделаны одновременно, в один и тот же день?»

* Подкомитет комитета ВМС Палаты представителей провел пять заседаний: 4 и 5 марта 1910 года и 7, 10 и 11 января 1911 года. Цитируется стенограмма заседания 7 января 1911 года.

** Эрнест Робертс – конгрессмен, член подкомитета.

Кэп. Пири: Да, сэр».

Третье письмо Левина:

«Насколько это разумно – предположить, что Вы имели при себе «три карандаша» в полярной экспедиции и что Вы использовали все три одновременно в одном документе?..

Вопрос, который я хочу задать теперь Вам, звучит так: был ли этот документ полностью написан и оформлен на заявленной широте 87°47' или он был составлен или подделан позднее в Нью-Йорке по сговору с Пири?..

В том, что Вы являетесь по своей природе “преданным, честным, настоящим моряком”... у меня нет причин сомневаться.

То, что Вы находились под гипнотическим влиянием Пири до такой степени, что Ваш рассудок и сознание полностью попали под воздействие его более властного, но менее совестливого характера, в равной степени ясно для меня и любого другого, изучающего этот вопрос, если он обладает самыми начальными познаниями в психологии!..

...Преданность, которая в высшей степени неуместна и незаслуженна, угрожает перечеркнуть всю прекрасную работу, которую Вы выполнили в своей жизни»*.

Призыв не был услышан, Бартлетт на письма не ответил.

Левин приводит еще одну цитату из книги капитана: «В конце концов мне начало казаться, что мы направляемся в прекрасный большой цирк, который закончится книгами, лекциями и множеством других вещей, приносящих деньги»**.

Неужели все объясняется примитивной материальной заинтересованностью? И скрепя сердце Левин выносит свой, все-таки обвинительный, вердикт: «Неугасающая верность – весьма редкая и прекрасная вещь, и любая форма личной преданности, которая, как правило, ее питает, служит признаком наличия бесценного элемента в характере человека. Но при более близком рассмотрении этого факта искаженная верность, сохраняемая несмотря на сокрушающие доказательства того, что объект совершенно этого не достоин, является либо крайней формой детского упрямства, либо чем-то весьма и весьма отличным от этого.

Если, однако, верность Бартлетта Пири обусловлена не более высоким мотивом, чем материальная выгода и личные соображения, основанные на мысли: “Если Пири падет, погибну и я”, то тогда на него, как на живого главу той экспедиции, падает вся моральная ответственность за подозрения...»***

* Lewin H., p. 117–118, 109–112.

** Bartlett R., p. 234.

*** Lewin H., p. 116.

Нелестно о капитане высказался современный американский исследователь Роберт Брайс, автор книги *Cook-Peary: The Polar Controversy, Resoled*: «Если у Пири и был “соучастник” в его мошеннических претензиях на Северный полюс, то это Боб Бартлетт, и его автобиография показывает, что он либо был неуклюжим лжецом, либо имел невероятно плохую память»^{*}.

Все большие и сложные в этическом отношении вопросы Бартлетт пытался упростить и сгладить, но это не была позиция человека, предпочитающего компромисс споре. Совсем нет. У капитана существовала цель, к которой он искусно продвигался, – обелить Пири.

В 1911 году он вел судно «Беотик» в Северную Гренландию, чтобы уничтожить вещи Кука – приборы и бумаги, необдуманно оставленные исследователем в инуитском поселке и, возможно, подтверждающие приход Кука на полюс.

В 1926 году в ту же Северную Гренландию Бартлетт направил свой собственный «Моррисси», на борту которого разместились влиятельные друзья Пири. Цель экспедиции состояла в том, что опросить Куддукту, убившего Марвина. Как было написано в отчете, инуит не смог встретиться с белыми, и, похоже, было сделано все, чтобы замять дело об убийстве. К сожалению, об этих походах Бартлетта Мора Ханрахан не упоминает, а это ведь чрезвычайно любопытные и ответственные страницы жизни капитана.

Коснусь второй главы книги «Коттедж Хоуторн: крепкие семейные узы». Тут о бабушке, о матери, об отце, о братьях Боба Бартлетта... О том, что «мужчины семейства Бартлетт бросали вызов бушующим морям, но на суше викторианскую атмосферу высшего света в их салонах поддерживали женщины». О ньюфаундлендской культуре, а Ньюфаундленд и Лабрадор – это северная провинция Канады, более северная, чем Квебек. О трудолюбии, о независимости населения этой провинции, о семейных ценностях и традициях, о доброте матери и строгости отца. Бартлетты были состоятельны, и Мэри Джемайма, мать Роберта, считая, что положение обязывает, «отправляла корзинки с хлебом и джемом нуждающимся соседям, но передавала их через посыльных или под покровом темноты, чтобы не ставить получателей в неловкое положение. Дети унаследовали ее щедрость и деликатность: так, Боб старался не унижать людей – если, конечно, испытывал к ним уважение».

Читая эту семейную сагу, неизменно возвращаешься к собственным переживаниям, и, я думаю, это лучшая, очищающая глава книги.

И именно здесь мы прочтем, что коттедж Хоуторн, а это дом из 14 комнат, в котором вырос Роберт, ныне входит в реестр национальных истори-

* Bryce R., 1997, p. 920.

ческих памятников Канады и в 1982 году ему присвоен статус исторического наследия Канады.

«Отреставрированный коттедж в 1995 году открыл свои двери в качестве музея, где содержится 3500 экспонатов, и привлекает туристов и любителей Арктики со всего мира... Он оставался единственным нетронутым образчиком ньюфаундленского живописного стиля, или стиля коттедж-орне. Основу музея заложила Мэри Джемайма, когда Боб вернулся из экспедиции к Северному полюсу... Мать невероятно гордилась сыном и не жалела ни времени, ни сил, чтобы укрепить его славу. Она всегда радовалась гостям и провожала их в "комнату Арктики", где стояла красивая мебель, фарфоровая и серебряная посуда, а также были выставлены многочисленные фотографии, включая семейные портреты, которые должны были показать, что достижения Боба Бартлетта – это наследие всей семьи, а не одного человека».

Как это благородно и правильно!

Несколько лет назад меня попросили принять участие во встрече любителей (знатоков) истории Канады, которую проводило Посольство Канады в Москве. В завершение встречи я должен был рассказать о советско-канадской лыжной экспедиции из СССР через полюс в Канаду, состоявшейся в 1988 году. Очень успешное путешествие называлось «Полярный мост». Все было сделано, показан фильм, все участники встречи были довольны, и я сказал напоследок, что готовится новая книга о Бобе Бартлетте, которому удалось невероятное – спасти людей, обреченных на смерть, и на Чукотке в поселениях Бартлетту неизменно помогали все – и местные, и русские.

Присутствующие заплотировали, посол же сказал, что перевод этой книги на русский будет вкладом в дружеские отношения между нашими странами. Так что поздравляю Мору Ханрахан с выходом прекрасной книги, а издательство «Паулсен» благодарю за перевод – новый «Полярный мост».

*Дмитрий Штаро, полярный путешественник,
заслуженный мастер спорта, Почетный полярник.*

*Посвящаю эту книгу Полу и Джемме –
с любовью и благодарностью*

Пролог

*Исследователи не могут быть выдержанными...
В полной мере рациональные люди не стали бы
подвергать себя испытаниям исследовательской работы.
Для этого нужна определенная доля безумия.*

Исайя Боумен, президент Американского географического общества
(выступая с критикой Боба Бартлетта)

*Я смогу насытить свое жадное любопытство
зрелищем еще никому не ведомых краев и пройти
по земле, где еще никогда не ступала нога человека.*

Мэри Шелли, «Франкенштейн»*

В семидесятых, еще ребенком, я провела две незабываемые недели в Бригусе, в основном на одном из каменистых пляжей городка. Обычно я располагалась прямо у кромки воды, рядом с небольшим зеленым островком, посреди которого стоял побитый непогодой памятник в форме шхуны. Скульптуру установили в честь капитана Роберта Абрама «Боба» Бартлетта, который был героем многих поколений ньюфаундлендских детей, а также их родителей. Бартлетт бывал в Арктике вместе с Пири и пережил немало приключений в северных краях, которые большинство из нас не увидит никогда.

Мой необычайно любознательный отец устроил нам встречу со стариком Джимом Херном, всю жизнь прожившим в Бригусе. В старом доме Херна я из первых уст услышала истории о «капитане Бобе». Оттуда было рукой подать до коттеджа «Хоторн», где вырос исследователь, и от этого истории становились еще более реалистичными.

В 2016 году я стояла на гренландском берегу, глядя на воды моря Баффина, которые так нравились Бартлетту. Я написала черновик этой книги, более 10 лет посвятив изучению жизни человека,

* Перевод З. Александровой. — Прим. пер.

очень значимого для обитателей Ньюфаундленда и любителей Арктики, но о котором было известно так мало. Кое-кто может сказать, что Бартлетт был обычным морским волком с Ньюфаундленда, просто более знаменитым, чем другие. Но на самом деле он внес значительный вклад в науку, обогащая коллекции многочисленных музеев и университетов, расширяя представления об арктических территориях и выступая в качестве наставника для таких уважаемых ученых, как Дэвид Натт, изучавший изменение климата. Как исследователь, Бартлетт занимал центральное место на мировой арене и был на короткой ноге с аристократами и президентами. В детстве я плохо это понимала.

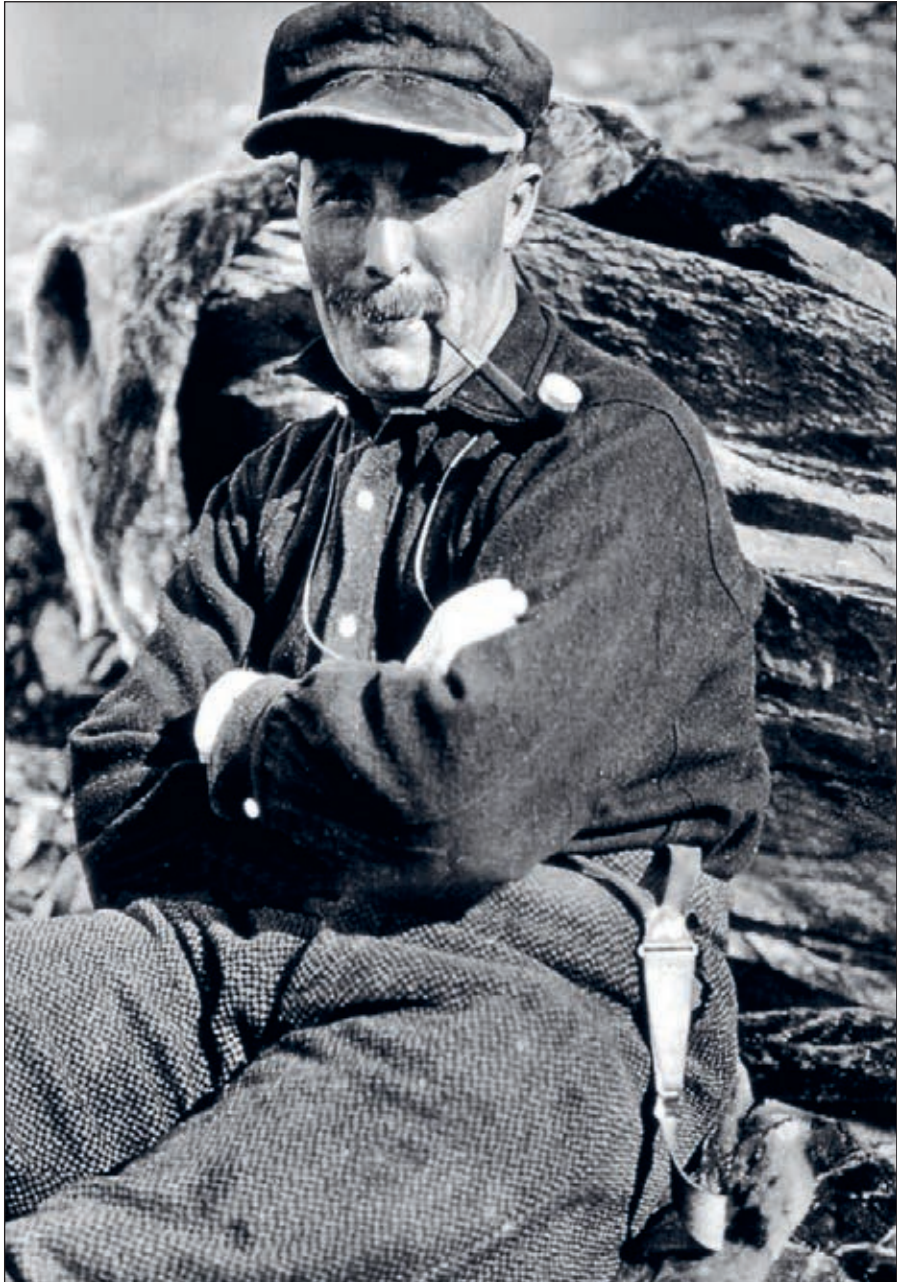
Бартлетт старался «первым увидеть», «открыть»* места, которые на самом деле находились на чужой территории, ведь Арктика тогда была царством инуитов. Но до полюса он не добрался. Он сыграл заметную, хоть и не главную роль в исследованиях Арктики, но был человеком своей эпохи и оттеснил инуитов на периферию всех своих историй. Хотя я постаралась вернуть инуитов на первый план, моя основная цель в написании этой книги заключалась в том, чтобы как можно лучше понять человека, одержимого Севером. В этом я отвечаю на призыв Лоры Надер изучать колонизаторов¹. Более того, я надеюсь, что мое внимание к одному человеку скорее опровергает, чем подтверждает теорию о великих людях в истории.

Но погоня за ускользающей славой была не единственной задачей Бартлетта. Очевидны внутренние и внешние ограничения, с которыми он сталкивался всю жизнь, и все же он остается, как ему и хотелось, загадочной фигурой. Обладая богатым внутренним миром, он был одинок — и не потому, что так сложились обстоятельства, а потому, что такой была его природа. Бартлетт был умен, прагматичен, отважен и несгибаем. Ему также были свойственны неуверенность, отрешенность, раздражительность и глубокая духовность. Он был человеком во всех смыслах слова, и я очень рада возможности познакомить вас с ним.

*Мора Ханфахан
Летбридж, Альберта*

* Автор часто ставит слова «открыть», «первопроходец» и т. п. в кавычки, указывая на то, что все открытия труднодоступных мест стали открытиями только для белых людей, в то время как они уже давно были известны коренным народам, которые здесь жили веками. — Прим. ред.

Родословная капитана
Роберта Абрама Бартлетта

Боб Бартлетт, не позднее 1910 года. *The Log of Bob Bartlett* (1928; St. John's: Flanker Press, 2006)

Родословное древо БАРТЛЕТТОВ (со стороны отца)

1. Капитан Уильям (Билли, Фоллоу-Он) БАРТЛЕТТ (ок. 1749–1829), женат на Энн (?)^{*} (ок. 1758–1830).
2. Капитан Абрахам (Абрам) БАРТЛЕТТ – старший (1788–1852), женат на Энн РИЧАРДС (1799–1869).
3. Капитан Абрахам (Абрам) БАРТЛЕТТ – младший (1819–1889), женат на Элизабет Беллами УИЛМОТ (1821–1904).
4. Капитан Уильям Джеймс БАРТЛЕТТ – старший (1851–1931), женат на Мэри Джеммайме ЛИМОН (1852–1943).
5. Капитан Роберт (Боб) Абрам БАРТЛЕТТ (1875–1946).

Родословное древо ЛИМОНОВ (со стороны матери)

1. Роберт ЛИМОН, женат на Мэри КОЗЕНС.
2. Джон ЛИМОН (Сквайр ЛИМОН) (1804–1866), женат на Сюзанне НОРМАН (р. ок. 1805).
3. Роберт Джон Козенс ЛИМОН (1828–1873), женат на Мэри НОРМАН (1830–1909).
4. Мэри Джеммайма ЛИМОН (1852–1943), замужем за капитаном Уильямом Джеймсом БАРТЛЕТТОМ – старшим (1851–1931).
5. Капитан Роберт (Боб) Абрам БАРТЛЕТТ (1875–1946).

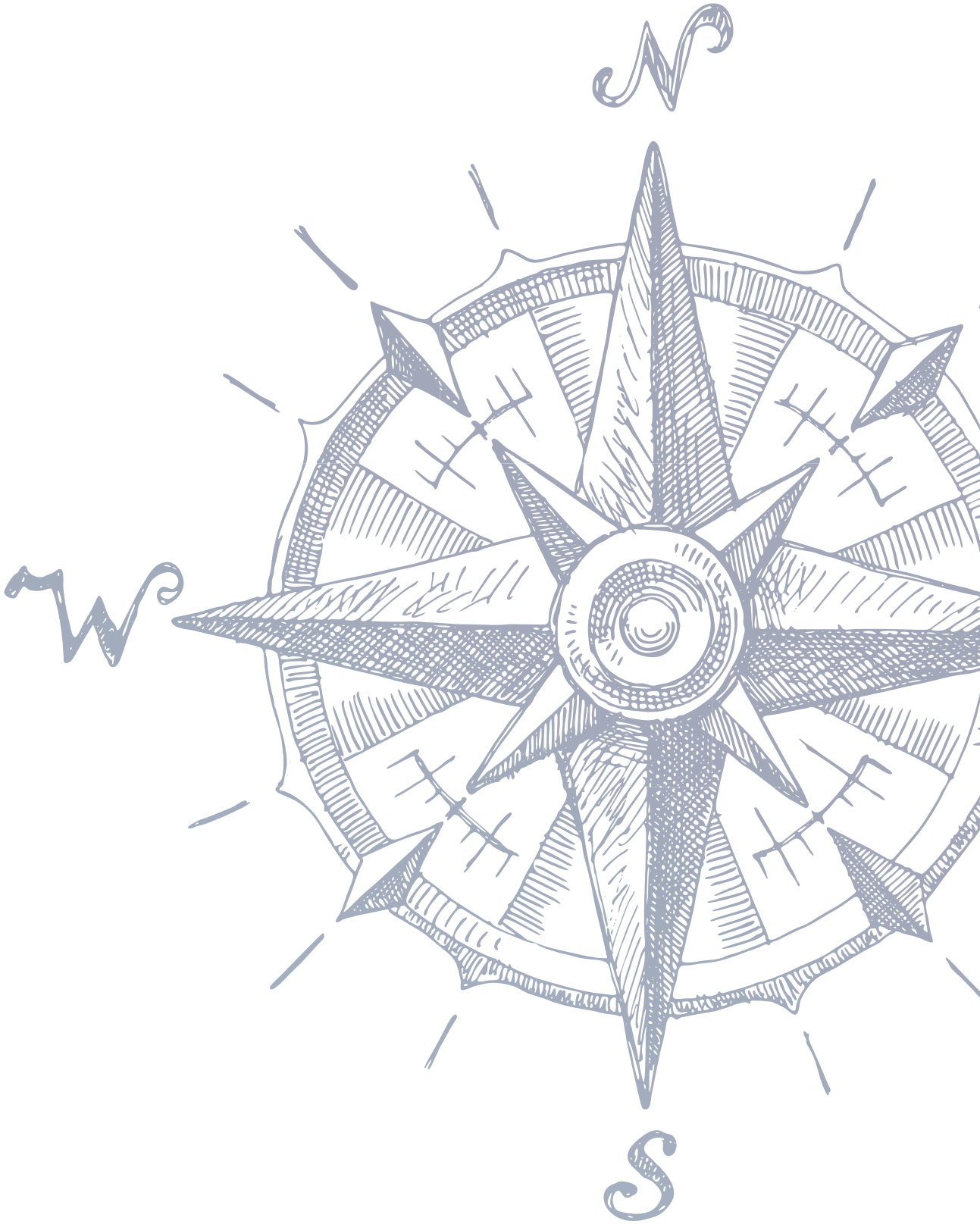
Дети капитана Уильяма Джеймса БАРТЛЕТТА — старшего и Мэри Джеммаймы ЛИМОН (братья и сестры Боба БАРТЛЕТТА)**

1. Капитан Роберт (Боб) Абрам БАРТЛЕТТ (1875–1946).
2. Беатрис (Трис) Стентафорд БАРТЛЕТТ ДОУВ (р. 1876) (мать Хильды, Роберта и Джеймса ДОУВ).
3. Хильда Нортуэй БАРТЛЕТТ УИЛЛС (1879–1959).
4. Эмма Гертруда БАРТЛЕТТ (1881–1959).
5. Мэри Элизабет (Бетти) Уилмот БАРТЛЕТТ ЭНДЖЕЛ (р. 1881) (мать Руперты [Пэджи] ЭНДЖЕЛ МЕРФИ и Джека ЭНДЖЕЛА).
6. Уильям Лимон Норман БАРТЛЕТТ (1885–1885).
7. Уильям Джеймс БАРТЛЕТТ – младший (1887–1957).
8. Льюис Гудисон БАРТЛЕТТ (1890–1966) (отец судьи Верховного суда Руперта БАРТЛЕТТА).
9. Руперт Уилфред БАРТЛЕТТ (1891–1917).
10. Уинифред Гренфелл БАРТЛЕТТ (ок. 1892).
11. Бланш Элеонор БАРТЛЕТТ (1894–1973).

Список всех людей, упомянутых в этой книге, приводится в разделе «Персоналии» на странице 278.

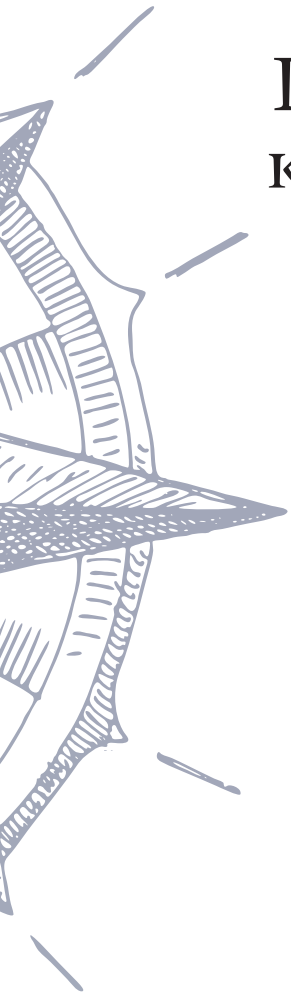
* Фамилия Энн неизвестна.

** Хотя племянников и племянниц было больше, в список включены лишь те, которые упоминаются на страницах этой книги.

ГЛАВА 1

Великая экспедиция к Северному полюсу. Вместе с Пири

Е

*Думаю, некоторые загадки должны
оставаться неразгаданными.*

Историк Севера Кенн Харпер
в интервью каналу CBC, 2014 год

Все испытали облегчение, когда 6 июля 1908 года шхуна «Рузвельт» отошла от пирса Рекриэйшн на Ист-Ривер в Нью-Йорке с командой, собранной на Ньюфаундленде самим капитаном Робертом Абрамом Бартлеттом, или просто Бобом². Шхуна взяла курс на Арктику, и некоторые из находившихся на борту уже мечтали первыми ступить на покрытый льдами Северный полюс, оказавшись в самой северной точке земли. Попытку покорить его предпринимало по меньшей мере полдюжины экспедиций, и одной из первых стала экспедиция под руководством британского флотского офицера Уильяма Парри, организованная в 1827 году³. После этого экспедиции снаряжали Британия, США, Норвегия, Швеция и Италия⁴, но ни одна из них не добилась успеха, поэтому звание первооткрывателя Северного полюса оставалось свободным. Когда шхуна «Рузвельт» отошла от пирса, на берегу остались тысячи ликующих людей, поддержка которых приободрила Бартлетта и Роберта Пири, преодолевших немало финансовых проблем при организации экспедиции.

Годом ранее толпа провожала врача и исследователя Фредерика Кука, который принимал участие в Бельгийской антарктической экспедиции 1887–1889 годов, а затем в арктической экспедиции Пири 1891–1892 годов. Кук отправился к полюсу с той же целью,

которую преследовали Бартлетт и Пири. Сторонники Кука развернули транспарант с надписью «Мы в вас верим!» — и позже эта фраза со словом «верим» стала казаться ироничной⁵. К 1909 году Кук стал главным соперником Пири: оба они утверждали, что достигли полюса, и каждый говорил, что оказался там первым. Веры не стало.

По пути к Гренландии и, как они надеялись, Северному полюсу Бартлетт, Пири и «Рузвельт» остановились в Ойстер-Бэй в Нью-Йорке, чтобы на борт поднялись 26-й президент США Тебби Рузвельт и его сын, 19-летний Теодор Ш, обладатель «сверкающих зубов и прищуренных глаз», по меткому замечанию наблюдательного Бартлетта⁶. Судно снабжения «Эрик» встретилось с «Рузвельтом» в Сиднее, в Новой Шотландии, и привезло 800 тонн угля, а вместе с ним — возможность не беспокоиться о дефиците топлива. У мыса Чарльз, на полуострове Лабрадор, на «Рузвельта» погрузили 10 тонн китового мяса, уже частично подгнившего и вонючего, предназначенного на корм собакам. Остановившись в Тернавике, в северной части Лабрадора, где родственники Бартлетта давно содержали крупную рыболовецкую артель, путешественники встретились со знакомыми и охотно приняли в дар 50 пар сапог из тюленьей кожи. В Иите, в Гренландии, они увидели, как отправился выследивать полярного медведя страстный охотник и миллионер Гарри Уитни, после чего на «Рузвельт» погрузили еще 500 тонн угля, 70 тонн китового мяса и 246 собак, которые «лаяли и грызлись друг с другом»⁷. Впереди был трудный путь, и небольшая для такого отважного плавания шхуна «продвигалась дальше дюйм за дюймом»⁸. 5 сентября команда добралась до зимней стоянки неподалеку от мыса Шеридан и на санях перевезла припасы на 90 миль севернее, к мысу Колумбия, «отправной точке для путешествия к полюсу»⁹. По сведениям Бартлетта, в состав этой экспедиции вошли семеро белых мужчин, 19 эскимосов и 20 саней¹⁰. 22 февраля 1909 года (как отметил Бартлетт, в день рождения Джорджа Вашингтона) Пири покинул мыс Колумбия и взял курс на полюс в сопровождении нескольких отрядов, возглавляемых белыми участниками экспедиции и состоящих из нескольких инуитов, которые играли вспомогательные роли на манер шерпов при современных восхождениях на Эверест. Стоял мороз -34 °С, бушевал шторм. Любопытно, что не склонный к расизму Бартлетт включил чернокожего слугу Роберта Пири Мэттью Хенсона в чис-

ло белых руководителей инуитских отрядов, поскольку в странной кастовой системе арктических исследований экспедиционный ранг превосходил расу. Хенсон официально значился камердинером Пири, и это был самый высокий флотский ранг, доступный в то время афроамериканцам¹¹.

Следуя методу, тщательно отлаженному Пири за долгие годы исследований Севера, каждый отряд использовал сани, которые были длиннее саней инуитов. Если верить Бартлетту, инуиты оценили изобретение. Каждые сани везли по 650 фунтов припасов, включая 50 фунтов печенья, 50 фунтов богатого белком пеммикана* для погонщика, чай, одежду и собачий корм¹². Исследователи отказались от спальных мешков и вместо этого дремали на снегоступах, покрытых звериными шкурами. На снегоступах же, используя в темноте фонарь, Бартлетт вел первый отряд, а это означало, что на него ложились тяжелые обязанности устанавливать курс, определять расстояния и прокладывать тропу, что было особенно сложно. По словам Пири, «[Бартлетт] шел впереди собственного отряда, а весь отряд шел впереди основной экспедиции»¹³. По приказу Пири отряд Бартлетта продвигался короткими переходами, проходя не более 10 миль зараз. Сначала двигаться было просто, но относительно благоприятные дни сменились «для всех месяцем изнурительного труда»¹⁴. Плыньи встречались чаще, чем они ожидали, а ветер не утихал, словно издеваясь над ними. Температура не поднималась выше суровых -45°C . И все же Бартлетт разделял решимость Пири добраться до полюса. Он вспоминал о встрече командиров отрядов: «Мы поклялись друг другу бороться до конца и сделать все, что в наших силах, чтобы помочь Пири установить на полюсе звездно-полосатый флаг. Помню, Марвин [Росс] был особенно взволнован...»¹⁵

Два инуита, Пуадлуна и Паникпа, дезертировали на подходе к вершине мира. Причину трудно назвать наверняка — это могло быть и дурное обращение со стороны командиров отрядов, и конфликт между инуитами, и малый размер предложенного Пири вознаграждения. Пири славился своей скупостью: в его экспедиции на север Гренландии, организованной в 1898 году, не хватало важных членов команды, а остальным платили недостаточно¹⁶. Иссле-

* Пеммикан — паста, в основном состоящая из мяса и жира. Был изобретен коренными народами Северной Америки и часто использовался исследователями и канадскими метисами.

дователи Арктики традиционно недооценивали инуитов, и те это знали. В 1910 году Пири написал о них: «Их ограниченность — их главный вклад в освоение Арктики»¹⁷. На инуитов свысока смотрело большинство исследователей — Пири не был исключением. Рожденный в Вермонте исследователь Арктики Чарльз Фрэнсис Холл, один из немногих, кто восхищался мастерством инуитских женщин, которые шили одежду, позволявшую исследователям выживать в условиях Арктики, уделял большое внимание инуитам, явно полагаясь на них¹⁸. При этом нельзя сказать, что Холл был либералом в сегодняшнем понимании. Как поясняет историк Майкл Робинсон, «бунт Холла был тихим. Он никогда не сходил с пьедестала цивилизации. Его интерес к жизни эскимосов не ставил под сомнение превосходство американских ценностей»^{*19}. Фредерик Кук, утверждавший, что добрался до Северного полюса на год раньше Пири, тоже разделял господствующие в то время представления о коренных народах Арктики, но при этом освоил некоторые навыки инуитов и даже выучил их язык²⁰. Теперь, по прошествии многих лет, сложно разобраться в культурных противоречиях и сказать, почему инуиты бросили Пири неподалеку от полюса.

Арктика как идея имеет глубокие корни в западной культуре. Ее название произошло от древнегреческого слова *Arktos*, которым обозначалось созвездие Большой Медведицы в северном небе²¹. Арктика упоминается в приписываемом Гомеру стихотворении: древние греки полагали, что в этом краю живут бессмертные гипербореи, считающие Север раем²². Для греков Арктика так и не стала землей инуитов.

Инуиты впервые увидели англичан летом 1576 года, поднявшись на борт корабля Мартина Фробишера — капера, или лицензированного пирата, впоследствии сделавшегося рыцарем при дворе королевы Елизаветы I. Фробишер искал Северо-Западный проход, чтобы открыть Англии более удобный торговый путь в Азию²³. Его штурман Кристофер Холл описал инуитов: «Они похожи на татар, с длинными черными волосами, широкими лицами и плоскими носами, очень смуглые. Одеты они в тюленьи шкуры, причем одежда женщин не отличается по фасону, но жен-

* Холл умер у берегов Гренландии в 1871 году, после непродолжительной болезни, во время которой он страдал от рвоты, паралича, галлюцинаций и судорог, вызванных отравлением мышьяком. Возможно, Холл принимал мышьяк по медицинским показаниям, что было в то время стандартной практикой. Однако на пороге смерти он решил, что его отравили.

щины отмечены синими полосами на щеках и вокруг глаз»²⁴. Отношения очень быстро обострились, и инуиты схватили пятерых членов экипажа Фробишера, который, в свою очередь, приказал своим людям взять в заложники своего проводника-инуита²⁵. Англичане больше не увидели похищенных людей Фробишера, но в устных сказаниях инуитов говорится, что они несколько лет жили с ними. С тех пор история отношений западного мира с коренным населением Севера полнится недопониманиями, часто приводившими к трагическим последствиям, особенно для инуитов. Представления об инуитах долгое время определялись отношением к ним исследователей²⁶. Даже в 1955 году уважаемый географ и антрополог писал о гренландских инуитах: «Эскимосы совершенно не способны достаточно долгое время обдумывать мысль, не связанную с вопросами охоты...»²⁷ Для большинства исследователей — и определенно для Пири — инуиты были «винтиками в механизме»²⁸. Для некоторых, например для участников экспедиции Оксфордского университета 1935–1936 годов, они были «скорее помехой, чем помощниками»²⁹. После того как Пуадлуна и Паникпа бросили свои отряды, Бартлетт отметил, что дисциплина остальных инуитов оказалась подорвана. Их подавленность не сулила ничего хорошего.

В такой экспедиции, как экспедиция Пири, где граница между жизнью и смертью чрезвычайно тонка, огромную роль играют характеры участников. Хотя Пири не решался критиковать Бартлетта, Хенсон описывал его периодическую раздражительность и нервозность, а также считал, что он слишком молод, чтобы командовать судном. Бартлетту было 34 года — его нельзя было назвать юным шкипером ни по ньюфаундлендским стандартам, ни по стандартам уважаемой семьи, из которой он вышел. Хенсон отмечал сутулость Бартлетта и полагал, что она стала результатом частого сидения на веслах, но осанка капитана скорее объяснялась его любовью к чтению. Наблюдательный Хенсон также писал, что у Бартлетта орлиный глаз, и подчеркивал, что «его манеры и поведение свидетельствуют, что он всегда, с самого детства, был за-

* Речь идет о традиционных татуировках на лицах женщин-инуиток. Такие татуировки выполняли целый ряд функций, в том числе показывая, какими навыками владела женщина. После прибытия христианских миссионеров в земли инуитов эта практика стала предметом порицания, но теперь переживает возрождение во многих инуитских общинах Канады (Jelinski, Jamie. *Kakiniit and Other 'Strong Blue Speckles': Self-Representation and Qallunaat Images of Inuit Tattooing*. PhD diss., Concordia University, 2015).

водилой в компании, а на этом корабле нет человека, с которым он побоялся бы схлестнуться»³⁰.

28 марта, по пути к полюсу, Хенсон застал измученных членов первого отряда Бартлетта спящими в иглу и не стал их беспокоить. Проснувшись, Бартлетт объяснил, что в тот день они 14 часов шли «в самых тяжелых условиях»³¹. Отряд Хенсона преодолел то же расстояние гораздо быстрее, потому что люди Бартлетта проложили для них тропу. И все же Хенсон тоже устал: «Мы вошли в лагерь, как пьяные, и выстроили себе иглу скорее по привычке, чем руководствуясь человеческим разумом»³². Когда несколько позже быстрое сжатие льдины чуть не стоило им жизни, Пири и Бартлетт оказались «преисполнены осознанием того, что [они] успели спастись, поэтому разговоров было мало»³³. Несмотря на статус ветеранов Арктики, ни Пири, ни Бартлетту ни разу не приходилось путешествовать в таких суровых условиях: они не ожидали такого количества препятствий на пути к полюсу и боялись, что не достигнут его, несмотря на титанические усилия.

Адмирал Пири называл Бартлетта «самым ценным из всех» участников экспедиции³⁴. И все же Боб Бартлетт из Бригуса, что на острове Ньюфаундленд, утверждал, что вовсе не стремился стать исследователем.

Бартлетт был уважаемым и опытным мореходом северных морей и до того, как отправился в полярную экспедицию с Пири. Его дядья, капитаны Джон и Сэмюэл Бартлетты, задолго до него ходили по арктическим водам, причем Джон отправился туда еще в 1848 году. Через 20 лет Джон привел экспедицию доктора Айзека Израэля Хейса в залив Мелвилла на судне «Пантера», принадлежавшем семье Бартлеттов³⁵. Капитан Сэмюэл (Сэм) Бартлетт в 1903–1904 годах был шкипером «Нептуна», и кульминацией того плавания стал момент, когда остров Элсмир был провозглашен частью владений короля Эдуарда VII, а Восточная Арктика стала подчиняться канадскому законодательству, что имело долгосрочные последствия для инуитов. Двоюродный дед Боба Бартлетта, капитан Айзек Бартлетт, в 1873 году спас членов отряда Тайсона, выживших в экспедиции «Поляриса» и так долго проведенных на дрейфующей льдине, что «едва не обратились к каннибализму», как выразился Боб Бартлетт³⁶. Айзек был весьма словоохотлив, но в целом шкиперы из семейства Бартлеттов обычно по существу описывали свои навыки и опыт. Когда в разгар шторма капитан

Томас Бартлетт поставил судно к причалу «с той же легкостью, с которой молодая мать укладывает ребенка в колыбель», он отмахнулся от комплиментов и сказал: «В [соседнем] Харбор-Грейс полно людей в парусиновых куртках, [которые] умеют так же»³⁷. В Арктике дядя Боба Бартлетта и его отец, капитан Уильям Бартлетт, ограничивали свою деятельность традиционными обязанностями капитана корабля, и до экспедиции Пири 1909 года Боб следовал их примеру.

На этом этапе полярных исследований, когда близился конец эпохи, профессии исследователя и шкипера почти не пересекались, а потому капитанов-исследователей было очень мало. Несмотря на военное прошлое, ни сэр Эрнест Шеклтон, ни сэр Роберт Фалькон Скотт, которые посетили Антарктиду в Героический век антарктических исследований³⁸, не были капитанами своих кораблей. Капитаном не был и Фритъоф Нансен — норвежский исследователь, ученый и, что особенно любопытно, чемпион по конькобежному спорту. Пири окончил Боудинский колледж в зеленом Брансуике, в штате Мэн, и получил специальность гражданского инженера. Фредерик Кук был врачом из Бруклина. Дональд Бакстер Макмиллан, который вместе с Пири и Бартлеттом взшел на борт «Рузвельта», хотя и родился в семье капитана, был геологом и читал лекции об Арктике, чем впоследствии займется и Бартлетт.

Сочетая обязанности капитана, навыки морехода и работу исследователя, Бартлетт был как новатором, так и архаизмом времен капитана Джеймса Кука, который в XVIII веке составил карту Ньюфаундленда, первым из известных европейцев достиг восточного побережья Австралии и Гавайев и обогнул Новую Зеландию, возглавив так называемое вторжение в южную часть Тихого океана³⁹. Как и Бартлетт, Кук был прагматиком, в полной мере преданным мореходству и своей профессии капитана и готовым развивать свою карьеру любой ценой. Гавайцы отнеслись к Куку с недоверием⁴⁰, и он, судя по всему*, погиб в Валентинов день 1779 года, когда один из местных жителей ударил его ножом в спину, после чего остальные «продемонстрировали свирепое рвение принять участие в его убийстве»⁴¹. Тем не менее Кук сделал значительный

* Обстоятельства гибели Кука оспариваются, а сам Кук стал объектом значительного количества легенд и фантазий (Obeyesekere, Gananath. *The Apotheosis of Captain Cook: European Mythmaking in the Pacific*. Princeton, NJ: University Press, 1997).

вклад в этнографические коллекции Запада, западную науку и навигацию, а также поспособствовал тем самым подъему империй⁴². Бартлетт будет делать то же самое, ежегодно собирая «подлинные зоологические сокровища»⁴³ для американских музеев.

Хотя Бартлетта не ждала мучительная смерть вдали от дома, во многих отношениях он стал наследником Кука. Кук успел лишь три раза пройти по Тихому океану и погиб в ходе третьего плавания. Бартлетт ходил в Арктику множество раз: вместе с Пири, сам на своей шхуне «Эффи Моррисси», а также с имеющим неоднозначную репутацию Вильямуром Стефанссоном, которого он впоследствии возненавидит. В этих плаваниях капитан Бартлетт собирал и информацию для по меньшей мере 14 ведущих научных организаций, включая Американский музей естественной истории, Мичиганский университет, Национальный музей американских индейцев, Смитсоновский институт, Американское географическое общество, Чикагское зоологическое общество, Кливлендский музей естественной истории и Вассар-колледж. Сбор образцов был как бы материальным подтверждением присутствия представителя той или иной нации в новом месте, то есть важным элементом колониализма, под влиянием которого происходил передел мира⁴⁴. Участвуя в этом предприятии, Бартлетт расширял границы западных империй, хотя его роль и оставалась не слишком заметной. С другой стороны, сбор образцов можно считать воровством, и в связи с этим в XXI веке музейные коллекции часто вызывают споры*, а некоторые, включая останки инуитов, поднятые из могил и привезенные в музеи, сегодня иногда возвращаются на законное место.

Работа с Пири подстегнула интерес Бартлетта к исследованиям. Впервые встретившись с Пири, Бартлетт захотел внести в свое резюме полярные исследования и создать для себя уникальную по тем временам позицию морехода-исследователя, которая соответствовала бы его склонностям и повышала бы его авторитет в глазах общества. Сначала на все была воля случая. Бартлетт постепенно входил в роль исследователя, подражая Пири, которого он возвел на пьедестал, как он часто делал с «великими людьми», и перенимая необходимые навыки у инуитов Гренландии. Лите-

* Пожалуй, чаще всего оспаривается законность пребывания мраморов Элгина в собрании Британского музея.

ратурный призрак Бартлетта*, работу которого Бартлетт лично исправлял и одобрял, отмечал: «Я не мечтал об исследованиях. У меня не было научного образования и подготовки, за исключением тех скудных знаний о навигации и других морских делах, которые нужны были для получения штурманской и капитанской лицензий. Я не хотел становиться профессиональным исследователем. Я прекрасно понимал свою ограниченность для любой научной работы. Но у меня в крови было стремление ходить по морям и ступать по диким местам на суше»⁴⁵.

Традиция полярных исследований ко времени Бартлетта уже пустила глубокие корни, но в период Великой депрессии, когда предпринимались лишь редкие вылазки на Север, стала постепенно отмирать. Исследования ради исследований были всегда в почете у западного мира. Первым путешественником в Арктику стал Пифей из Массалии, древнегреческой колонии на юге Франции (ныне Марсель). Пифей родился около 350 года до н. э. и побывал в Британии, а затем за шесть дней доплыл до места, которое назвал Туле. Это могла быть Исландия, любой из шотландских островов, Норвегия или даже архипелаг Шпицберген в Северном Ледовитом океане. Пифея остановили «твердые медузы»: возможно, это было ледовое поле, но вероятнее — туманная гряда, которую он описал как «смешение земли, воды и тумана, пугающее для обитателей Средиземноморья»⁴⁶. За Пифеем последовали другие европейцы, включая скандинава Лейфа Эрикссона и, возможно, ирландца святого Брендана, которые достигли Северной Америки за сотни лет до сэра Мартина Фробишера. Они опередили также исландского исследователя Торфинна Карлсефни, который около 1010 года высадился на принадлежащей инуитам Баффиновой Земле, назвав ее Хеллуландом⁴⁷.

Капитан Эдвард Фентон, правая рука Фробишера, назвал инуитов «деревенскими жителями» и расстроился, что не смог с ними поговорить: «Посмотрев на нас с расстояния вытянутой руки, они ушли, даже не поговорив с нами, хотя мы готовы были торговать и оказывали им всяческие любезности, и все же ничто не могло заставить их остаться, поэтому они отплыли от нас на целую лигу...»⁴⁸ После Фробишера свой след оставил Джон Дейвис. Летом 1585 года

* Согласно Харольду Хорвуду, одному из биографов Бартлетта, большая часть книг Бартлетта была написана литературными призраками (Bartlett: The Great Explorer [1977; Toronto: Doubleday Canada, 1989]).

Содержание

Вступительная статья Дмитрия Шпаро	3
Пролог	15
Родословная капитана Роберта Абрама Бартлетта	17
Глава 1. Великая экспедиция к Северному полюсу.	
Вместе с Пири	20
Глава 2. Коттедж «Хоуторн»: крепкие семейные узы	76
Глава 3. Как построить карьеру капитана: компасы,	
багры и вторые роли	112
Глава 4. Рождение легенды. «Карлук»	
и Сибирь в 1914 году	140
Глава 5. Терзаемый и исцелившийся. После «Карлука»	190
Глава 6. Арктика навсегда	240
Эпилог «Эффи Моррисси»	277
<i>Персоналии</i>	278
<i>Список источников</i>	282